

RU

«Страдаешь, значит существуешь...»:

аксиология страдания и трагического в жизни человека

(В. Франкл, М. Шелер)

Петрык Я. Ю.

Аннотация. Цель исследования – обоснование «аксиологии страдания» как значимого феномена современной философской антропологии. В качестве содержательного аспекта показано, что В. Франкл и М. Шелер выступают референтами в решении проблемы человеческого существования как трагического и «претерпевающего», а в качестве формального аспекта представлено то, что мыслители тяготеют к императивной форме изложения идей. Научная новизна исследования заключается в освещении аспектов человеческой экзистенции: страдания, трагического, боли через призму современной патодицеи (оправдания человеческих страстей). В результате доказано, что «аксиология страдания» – это важнейший концепт, позволяющий в полном объеме артикулировать самоценность и значимость человека, способствующий созданию целостной концепции личности в современном антрополого-аксиологическом теоретизировании.

EN

You suffer; therefore, you exist...":

Axiology of suffering and the tragic in human life

(V. Frankl, M. Scheler)

Y. Y. Petryk

Abstract. The aim of the research is the substantiation of "axiology of suffering" as a significant phenomenon of modern philosophical anthropology. As a substantive aspect, it is shown that V. Frankl and M. Scheler act as referents in solving the problem of human existence as tragic and "suffering," and as a formal aspect, it is presented that thinkers gravitate towards an imperative form of presenting ideas. The scientific novelty of the research lies in highlighting aspects of human existence: suffering, the tragic, pain, through the prism of modern pathodicy (justification of human passions). As a result, it is proven that "axiology of suffering" is a crucial concept that allows for fully articulating the intrinsic value and significance of a person, contributing to the creation of a holistic concept of personality in modern anthropologico-axiological theorizing.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена современными антрополого-аксиологическими изысканиями, необходимостью создания целостной культурно-социальной парадигмы «эмоционального понимания» бытия человека. В любую культурно-историческую эпоху человеку свойственно вопрошать о смысле и условиях собственного существования, а это означает, что проблема ценностного бытийствования человека в культуре – актуальнейшая проблема. М. К. Мамардашвили в сборнике статей «Сознание и цивилизация», анализируя инвариантные, свойственные любым культурам и цивилизациям «модусы» человеческих страстей, заметил, что в русской культуре присутствует «болезнь затаённой духовности» (2011, с. 243), которая состоит в том, чтобы «определять душу только как тайно или явно страдающую» – так родился вынесенный в название данной статьи, знаменитый афоризм философа: «Страдает, значит существует» (2011, с. 242). Однако задача мыслителя простиралась гораздо дальше банального утверждения «минорной тональности» (Малинкин, 2019, с. 34) человеческого бытия. Философ не только стремился воплотить собственное представление об онтологии трагического, но и создать «аксиологию страдания», которая могла бы стать той культурно-социальной формой «эмоционального понимания» бытия человека, в которой «страдательное» – претерпевающее (ценностное) состояние человека является не просто общей характеристикой экзистенции,

но и обретает свой императивный характер: может воплотиться в определённый перечень законов человеческого существования. И пусть бытие человека хрупко, изменчиво, подвижно – это всегда «живой акт» и «способность» в любой момент «стать иным», а сам факт страдания неизменно «ускользает от любых предметных и понятийных субстанциализаций» (Лазарев, 2017, с. 57) – тем не менее, создать основания для фундаментальной патодицеи и обосновать ценностный «каркас» человеческой экзистенции и ценностного восприятия мира, безусловно, возможно. Страдание, будучи «метафизической точкой» отсчета очень многих антрополого-экзистенциальных учений, вместе с тем является важным элементом «онтологии трагического» и способствует созданию современной целостной антрополого-аксиологической патодицеи в целостном и ценностном восприятии человека. И «логотерапия» В. Франкла, и «философия трагического» М. Шелера – вариации на тему аксиологии страдания. Этим и обусловлена актуальность заявленной темы.

Существенным моментом в современной антропологии является то, что в рамках феноменологического метода «классическое понятие» *экзистенции* амплифицируется понятием «параэкзистенции» (О. Беккер) как сферы идеальных сущностей – вечных и неизменных, которые не охватывает экзистенция. Иными словами, экзистенция мыслится, как духовно-историческое измерение человека, а параэкзистенция – это «бытийная сфера, не принадлежащая истории» (Беккер, Гайгер, Дюфрен и др., 2019, с. 45), но важная в целостном и ценностном анализе человеческого существования, так как «параэкзистенциальность» достижима в интендировании идеального» (Беккер, Гайгер, Дюфрен и др., 2019, с. 47). И, таким образом, человеческое существование разворачивается одновременно в двух модусах – временном и вечном, а возможность выхода субъекта из темницы собственного эго, преодоление замкнутости умweltа, достижение свободы на путях открытости и соотносённости с миром оказывается существенным элементом любого современного учения о ценностях.

Основной целью современной аксиологии является не только утверждение и признание самобытности и уникальности каждого субъекта, но и необходимость «обоснования» «трагедии» индивидуальной судьбы конкретного человека – только таким образом возможно придать собственной жизни завершённую, законченную форму, а концепции человека, в современной антропологии, целостный, императивно-аксиологический характер. Именно таким образом мы позиционируем цель нашего исследования. Для достижения заявленной цели необходимо разрешить следующие задачи:

- во-первых, очертить и обосновать ценность человеческой жизни в творчестве В. Франкла, упомянув его знаменитый «закон сохранения духовной энергии»;
- во-вторых, выявить ключевые моменты категории «трагического» у М. Шелера, указав на специфический концепт его «аксиологии страдания» – понятие «этического героя»;
- в-третьих, обосновать ценность и значимость признания «уникальности» каждой личности «перед лицом» унифицирующей, усредняющей, типологизирующей современной культуры, что и явится безусловной предпосылкой к глубинному пониманию тенденций современного антропологического теоретизирования.

Материалом для исследования послужили следующие труды: «Страдания от бессмысленности жизни» (Франкл, 2011), «О смысле жизни» (Франкл, 2022), «К феномену трагического. О смысле страдания» (Шелер, 2022).

К исследованию также привлекались сведения по эстетике, аксиологии, философской антропологии, значимые для исследования целостного образа экзистенции:

- Барышников В. П. Аксиология личностного бытия: монография. М.: Логос, 2005.
- Гагарин А. С., Малышев М. А. В зеркалах экзистенции: очерки по истории философии и культуры. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996.
- Григорьян В. Т. Философия о сущности человека. М.: Политиздат, 1973.

Теоретическую базу исследования составляют феноменолого-экзистенциальные работы (Мамардашвили, 2011; Франкл, 2011; Шелер, 2022).

Для проведения исследования в данной статье применяется метод экспликации. Последняя является главным инструментом исследования ввиду того, что структурирование извлеченных идей позволяет создавать первичные объяснительные модели, которые способствуют лучшему усваиванию идей. Экспликация понимается автором, как извлечение и последовательное разворачивание сущности ценностного смысла страданий через многообразие экзистенциально-феноменологических ритуальных (повторяющихся жизненных форм), описанных В. Франклом и М. Шелером.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания университетских курсов по истории философии, этики, эстетики и аксиологии, а в мировоззренческом аспекте – в создании целостных витальных ориентиров современной личности.

Обсуждение и результаты

В любой «аксиологии страдания» существенным элементом становится апология уникальности и незаменимости индивида, апология ценности человеческой жизни. Логотерапия В. Франкла в этой связи не становится исключением. Психотерапевт на страницах своих работ неоднократно повторяет идею о том, что уникальность и своеобразие каждого бытия должно стать приоритетом: «Каждый человек уникален и жизнь каждого человека – единственная в своем роде... поэтому он не может ни затеряться, ни быть подмененным...» (Франкл, 2011, с. 18). Другими словами, человек всегда представляет собой неповторимого индивида, имеющего уникальные личностные характеристики, который живет в уникальном историческом контексте, «в мире, где для него одного подготовлены особые возможности и обязательства» (Франкл, 1990, с. 7).

Актуализируя понятие «конкретного смысла личного бытия», В. Франкл амплифицирует его терминами «конкретной жизненной задачи», «миссии собственной жизни», которые не являются усредненными, отвлеченными понятиями, но для которых оказывается «безразлично как оно (это понятие) вербализуется и вербализуется ли вообще». Однако не стоит забывать о том, что смысл конкретной экзистенции не «застревает» на уровне эмпирической данности и не равен простому банальному бытовому проявлению, смысл всегда выше бытия простой эмпирической личности – он сфера паразекзистенции, так как «бытие неполноценно и неустойчиво, если не несет в себе стремление к чему-то находящемуся за его пределами», «нечто более величественное и прекрасное» (Франкл, 2011, с. 21).

Осознание собственной ценности осуществляется индивидом через самоактуализацию и необходимость самостоятельного выбора. Данные термины В. Франкл проясняет следующим комментарием: человек безусловно ограничен множеством факторов уже по своей природе, но безусловна и его свобода, так как он в состоянии подняться выше соматических и психических детерминант и в состоянии всегда занять определенную позицию относительно условий своего существования. А возможность занять любую позицию по отношению к условиям собственного существования предполагает и определенное, выбираемое исключительно нами – «наше отношение к страданию», с перманентной возможностью это отношение изменить.

Подобная «безусловная свобода» индивида является важнейшим триггером в процессе осознания ответственности за собственную жизнь: именно человек – сам и самостоятельно несет ответственность за реализацию *особого смысла своей личной жизни*. Данная ответственность неотчуждаема и неделигируема, и никакой в мире «логотерапевт» «не может избавить своего пациента от необходимости принять собственное решение». В этой диалектике свободы и ответственности «формируется» индивид: «Человек не может избежать принятия решений. Постоянно и непрерывно он формирует и изменяет себя» (Франкл, 2022, с. 58).

Процесс формирования и самоизменения – существеннейший процесс человеческой экзистенции. Задача человека лежит в плоскости актуализации собственных возможностей, которые проявляются, в частности, в том «деле», которым он занимается, и в ходе подобного «самовыражения» и станут очевидны идеалы и ценности данной личности, то есть человек обретет свою изначальную смысловую ориентацию, так как «идеалы – то, без чего невозможно выжить» (Франкл, 1990, с. 34).

Утверждение о том, что человек существо пафосное, а значит, претерпевающее, а значит, и страдающее – является трюизмом. В. Франкл, полагая, что истинный «смысл жизни раскрывается (действительно только) в страданиях...» (2022, с. 87), вводит понятие *“homo patiens”* – человек «страдающий», «претерпевающий страдание» (пафос) (1990, с. 38), который «принимает свою судьбу, как данность» и который «раскрывает смысл неизбежных страданий» (1990, с. 40), балансируя «между внутренней гармонией и отчаянием». Сознавая необходимость создания определенной эмоционально насыщенной патодицеи, которая безусловно совпадает с «аксиологией страдания», в рамках собственной логотерапии, В. Франкл понимает, что необходимо анализировать не просто психическое пространство индивида, в избыточности его страстей, но и его ноэтическое существование, потому что «человек больше, чем психика», «он есть дух...» (2011, с. 173).

Уделяя огромное внимание эмоциональной сфере человека, В. Франкл не оставляет без внимания и вопрос о ценности – ведь необходимо создать именно «аксиологию страдания»: «человек – не вещь среди других вещей... вещи детерминируют друг друга, а человек самоопределяется». Иными словами, «человек реализует и актуализирует ценности». В. Франкл писал: «Всякая жизнь имеет смысл и всякое страдание человека ценно» (1990, с. 75). Человек не конструирует какие-то искусственные смыслы собственной жизни и не приписывает смыслы определенным явлениям, то есть человек просто находит их, обнаруживает, а не изобретает. «В том “как” существовать, лежит ответ на вопрос “зачем” существовать» (Франкл, 2011, с. 135). Однако никакие события и никакие силы не в состоянии полностью обусловить смысл бытия человека.

Резюмируя, следует признать то, что, позиционируя «неизбежность» страдания, которое, однако, еще должно получить статус положительной ценности в современном мире, отягощенного «экзистенциальным вакуумом» (невозможностью обнаружить смысл собственного существования), В. Франкл полагает, что именно эта ценность даст возможность «противостоять нездоровым тенденциям современного общества» (1990, с. 99). Его взгляды оптимистичны: «...вместо возможностей в будущем зрелый человек обладает действительными достижениями в прошлом – проделанной работой, настоящей любовью и перенесенными страданиями. Последним надо гордиться больше всего, хотя это то, что едва ли вызывает зависть» (Франкл, 1990, с. 102).

Основная заслуга В. Франкла состоит не в признании ценности страдания – об этом говорили многие философы, но в придании «страданию» человека императивной формы, той, которая упорядочивает экзистенциальный хаос и ведет к осознанию стратегии собственного бытия. Безусловно, «в страдании мы реализуем самое человеческое в человеке» (Франкл, 1990, с. 89), и вопреки утверждению Сартра о том, что человек – это «бесполезная страсть», В. Франкл создает «закон сохранения духовной энергии». Согласно данному закону, как утверждает Франкл, «ни одна драма или трагедия внутренней жизни человека никогда не проходила впустую, даже если она разыгрывалась в тайне, неотмеченная и не прославленная ни одним романистом» (1990, с. 87) – и продолжает: «...любая жизнь в каждой ситуации имеет свой смысл и до последнего дыхания сохраняет его» (2011, с. 163). Иными словами, «то, что человек воплотил в жизнь, остается воплощенным навсегда» (Франкл, 2022, с. 120).

Безусловно, как любой мировоззренческий аксиолого-этический закон, «закон сохранения духовной энергии» не обладает должной степенью логического обоснования. Подобные законы воспринимаются на веру, но не имеют логического достаточного основания. Однако экзистенциальный смысл данного закона

очевиден: страдание не бесполезно, а наши уникальные мысли и чувства, прожитые и пережитые, «воплощенные навсегда», и есть фундаментальная основа нашего существования. Основная задача человека состоит в том, чтобы наилучшим образом использовать каждый момент своей жизни, сделать правильный и ответственный выбор, осознав, что его истинное право состоит в том, чтобы каждую секунду выбирать себя, а это означает – понимать, «что делать, кого любить или как страдать» (Франкл, 1990, с. 62).

Одним из главных референтов для В. Франкла в вопросе «трагической судьбы» каждого человека становится М. Шелер. Их оценки кризиса современной культуры совпадают. «Экзистенциальный вакуум» В. Франкла соизмерим с понятием «ложных целей» М. Шелера. Человек оказывается в очень сложном двойственном положении: с одной стороны, испытывает мощное ментальное давление, проистекающее от различных идеологических, политических и религиозных течений, а с другой – весьма специфическое чувство, которое поистине трагично, – крах собственных жизненных задач, неумение «обнаружить смысл» и «онемение» перед лицом жизни.

В современной культуре человек явственно осознает фальшь «единственной жизненной цели, к которой шел всю сознательную жизнь...» (Шелер, 2022, с. 7); трагичность этого сознания и состоит в том, что «в трагическом всегда нечто уничтожается внутри...» (Шелер, 2022, с. 13). «...необязательно сама жизнь... уничтожается что-то внутри самого человека: вера, воля... доброта» (Шелер, 2022, с. 13).

Это «кризисное» сознание, бесконечно «омертвелое» внутри, перманентно «носит» в себе понятие боли – в толковании М. Шелера – «душевной боли», которая и играет роль «замечающего осознания». Только через боль можно впервые «нечто увидеть или понять». Через боль человек впервые осознает, что и страдание – это, прежде всего, ощущение боли – обязательно физической, но боли от «противоборства и взаимного уничтожения ценностей» (Шелер, 2022, с. 17).

Для М. Шелера сама «онтология человеческого страдания» начинается с болезненного ощущения того, что необходимо жертвовать: отказаться от «благ более низкого порядка» во имя благ «более высокого порядка» (2022, с. 23). Он далек от трактовки трагедийного состояния, как неразрешимого противоречия, морально-аксиологической апории, где противостоят друг другу две абсолютно равнозначные ценности – а выбрать надо одну из них. В антропологической установке М. Шелера ценности иерархичны, и вполне допустима моральная казуистика «гармонии целого», где всякое индивидуальное страдание является «заместительно предупредительным», чтобы «меньше страдало целое» (2022, с. 23).

В аналитике своеобразной «аксиологии страдания», которую создает М. Шелер, особенно интересны две его работы: «К феномену трагического» и «О смысле страдания». Мыслитель понимает «трагическое» как безусловный элемент самого универсума, смысл и суть которого не является сугубо психологической проблемой, но даже более того – современные интерпретации понятия трагического и понятия страдания «скорее уходят от существа проблемы, чем проясняют её» (Шелер, 2022, с. 16).

Трагическое воздействует на наши чувства, а «трагический конфликт» «схватывается» нами как некий духовный акт и производит «глубокое и мощное впечатление» (Шелер, 2022, с. 25), которое может быть подвергнуто «истолкованию». Однако толковать его необходимо вполне определенным способом, ведь речь идет не «о доказательстве, а о том... чтобы сделать его зримым» (Шелер, 2022, с. 26). Наглядным и зримым, то есть «выразительным» или эстетическим. При этом подобное «истолкование» не есть продукт «правильной или ложной герменевтики», но сфера ценностей, где нет казуальности и детерминизма естественнонаучного мира, но есть предпосылка для метафизических толкований. М. Шелер писал: «...трагическое – это своего рода внезапное замешательство перед лицом несовершенства мира» (2022, с. 37) – безусловная сфера аксиологии и эстетики.

Макс Шелер изначально дифференцирует и разводит трагическое с печалью. И хотя трагическая печаль присутствует в жизни человека, но она есть тихая умиротворенность и невозмутимость, тогда как в трагедии всегда есть протест (бунт) и противопоставление. В структуре наших страстей есть «различные по глубине слои... от чувственных ощущений, до метафизических духовных чувств...» (Шелер, 2022, с. 27). Трагическое дано нам, когда «в едином нераздельном акте духовного взора» мы обращены «как на казуальность, так и на имманентные требования ценностей» (Шелер, 2022, с. 27), при этом воспринимая трагическое как «простой факт», как, например, то, что «солнце восходит и над добрыми, и над злыми» (Шелер, 2022, с. 28). При этом трагическое дано нам только вместе с особым языком, благодаря которому мы приходим к пониманию ценностей. М. Шелер писал: «...метафора делает наглядной ту внутреннюю нерасторжимую сущностную связность, в которую сплетаются друг с другом ценностно-созидающие и ценностно-разрушающие причинные цепи в динамическом единстве трагического влияния» (2022, с. 73).

Глава «Необходимость и неизбежность уничтожения ценностей» в работе М. Шелера (2022, с. 85) «К феномену трагического» содержит интересные описательные наблюдения. Неотвратимость и неизбежность человеческого страдания одновременно нивелирует вопрос о чьей бы то ни было виновности. Философ пишет: «...там, где можно задать вопрос о виновности – трагическое как таковое отсутствует, ввиду того что в человеческом измерении трагического есть не просто отсутствие вины, а «нелокализуемость виновности»» (Шелер, 2022, с. 89). Вопрос «кто виноват?» некому и незачем задавать, а подобная «нелокализуемость виновности» предстает как идея отсутствия у мира злого умысла по отношению к человеку. Изначально нет и не было внешних сил – злонамеренных и злокозненных – виновных в нашем страдании.

«Нелокализуемость виновности» не избавляет философа от необходимости создания такой прагматически-утилитарной, духовной парадигмы, которая помогла бы современному человеку справиться с состоянием обреченности, пассивности, утраты надежды, стала бы панацеей от всех бед внутренне расколотого

сознания современного индивида. По мнению М. Шелера, на этом пути можно следовать либо «ориентальной» традиции «преодоления страдания», которую он имплицитно связывает с буддизмом – изоляция от жизни и уход от неё, «упразднение налично-бытийного характера мира...» (2022, с. 90), либо «вестерниальной» – активного, героического, внешнего сопротивления страданию – активное преобразование жизни и самого себя. Идея преодоления страдания получает в творчестве М. Шелера следующее описание: западная «идея героя полагает средством ликвидации страдания внешнюю техническую активность», а восточная «индуистско-буддистская идея героя внутреннюю... внутренне-душевную» (2022, с. 95). Таким образом, рождается безусловный образ «этического героя» – и восточная, и западная линия преодоления страдания немислима без «героизма».

Вместе с тем вывод, который делает М. Шелер, неутешителен: любой «героизм», как пассивный – восточного толка, так и западный – активного, приводит зачастую к тому, что сама «действенность героической позиции весьма ограничена ... она слишком часто ... вытесняет страдание вглубь души» (2022, с. 96), а столь желанное человечеству счастье «уходит все дальше и дальше от того, кто за ним специально охотиться», а страдание, напротив, «приближается к бегущему от него быстрее, чем быстрее тот бежит» (2022, с. 97).

Иными словами, героизм – это тоже позиция отчаянья. Не является выходом для человека – ни аскеза, не деятельный тип «занятого», преобразующего природу, дельца: «...аскеза притупления страданий... воцаряется там, где отказывает активная героическая воля» (Шелер, 2022, с. 97), а этот метод пагубен еще и тем, что «заодно вырывает из души корни всех высших и низших радостей» (Шелер, 2022, с. 99). Феномен «перетекания» пассивного страдания в активное и наоборот диалектически чередуется в культуре, а сама культура, пронизанная христианскими ветхозаветными «страдание как наказание» и новозаветными «страдание очищает» традициями порождает представление о том, что «страдания жизни направляют наш духовный взор на центральные духовные жизненные блага» (Шелер, 2022, с. 99). Подобные представления указывают на «блаженное перенесение страдания», которое должно породить в человеке «переживаемое блаженство от того, что в этих мучениях Бог с ним» (Шелер, 2022, с. 107). То есть в «очищении» катарсической христианской доктрины оправдания страдания человек понимает, что «божественный скульптор высекает форму идеальной личности из материала некой поначалу запутавшейся в сумбуре чувственных ощущений экзистенции» (Шелер, 2022, с. 108).

Для М. Шелера очевидно, что аксиология страдания предполагает особое «самоизмерение» человеческой души, в котором действуют особые внутренние законы духа: «...существуют вещи, которые не происходят именно тогда, когда их делают сознательной целью и волевой задачей действия, и вещи, которые происходят тем вернее, чем больше их хотят избежать». «Счастье и страдание именно таковы» (2022, с. 137). Иными словами, М. Шелер апеллирует к бессознательным структурам нашего существования, где существенную помощь вполне может оказать модифицированный современной культурой буддизм, «преломленный» западным менталитетом, так как именно он является удивительным средством для углубленного «самопознания». Другими словами, исходная модель избавления от страдания в ходе акта самопознания в творчестве М. Шелера обретает новую аксиологическую тональность: в «секуляризованном» мире западной культуры трансформированный данной культурой буддизм, обогащенный христианской традицией, но не растворенный в ней, приводит к «возвращению надежды» – к избавлению от страдания.

М. Шелер писал: «...в глубоком смысле всякое страдание – это искупительное страдание и всякое страдание есть жертва» (2022, с. 127). Страдание, как искупление неоднократно описывалось в культуре. Пытаясь избавиться от страдания, человек бросается «во все тяжкие», однако все виды гедонизма современной культуры как приемы избавления от страдания М. Шелер отвергает: «...практический эвдемонизм с необходимостью вырождается в гедонизм» (2022, с. 78), а гедонизм в силу сиюминутности не удовлетворяет идеальное начало в человеке, его «параэкзистенциальное начало».

Способы «притупления страдания», такие, как аскеза, и метод «нейтрализации страдания», принятый в стоицизме, М. Шелер оценивал как практики самовнушения, чья позитивная аксиологическая значимость, безусловно, не выше, чем у буддизма. Данные подходы свидетельствуют лишь о том, что «наша беда» состоит в «излишней» и даже избыточной партикулярности и эгоцентризме, в безусловной вере в то, что страдание метафизично, но может быть преодолено самостоятельно, а подобный партикуляризм и индивидуализм подрывает любую – и внутреннюю и внешнюю – борьбу со страданием. Безусловной ценностью данной работы является то, что М. Шелер структурирует такие сложные понятия, как страдание и трагедия. Трагедия и страдание – онтологические корни экзистенции, то есть чистые факты понимающего сознания.

Вывод, который делает мыслитель и который столь же лаконичен и прост, как и та парадигма, которую при решении этой непростой задачи должен создать человек: «Внешнее и внутреннее преодоление страданий – это борьба и терпение» (Шелер, 2022, с. 132). В приложение к указанным нами работам М. Шелер писал: «Должны ли мы идти только по одному из них (этих путей) или по обоим? Мой ответ: по обоим» (2022, с. 132). «Только если идти двумя путями преодоления боли и страдания одновременно – путем внешней власти над злом и путем терпения» – только тогда «была бы достигнута вся полнота власти над вещами, заложенная в сущности человеческой природы» (Шелер, 2022, с. 134). «Идеал полноценного человечества должен содержать в себе и то, и другое» (Шелер, 2022, с. 134). «Искусство «внешнего» и искусство «внутреннего» преодоления страдания посредством внешней борьбы и внутреннего терпения» даст человечеству долгожданный результат.

Однако, несмотря на достаточно оптимистичные выводы М. Шелера, все еще остаётся некоторый ряд проблем, с которыми трудно справиться современному человеку. Нравственный опыт человека настолько самобытен и уникален, что его невозможно подвести под какую-то абсолютно завершённую форму, окончательно

унифицировать. Однако этим и ценен субъект – единичный, партикулярный и самобытный – любая унификация его существования есть насилие, она же и есть *главная трагедия*. Однако философия М. Шелера – это реализм, а его «реализм... связан с этическим персонализмом» (2022, с. 142), то есть его философия – это достаточно обоснованная позиция, согласно которой очень важна именно «добровольная решимость отдельных личностей», по сути, героическая решимость в преодолении страдания, как внешнего и как внутреннего фактора человеческой жизни. Каждая личность уникальна и не заместима, у каждой существуют свои собственные духовные достижения (Шелер, 2022, с. 154).

Резюмируя, следует сказать о том, что позиция, которую разделяет М. Шелер, не есть позиция атеистического, но секуляризированного сознания, где основной жизненной задачей становится обретение собственного уникального образа – реализация собственной витальности. Очень важным моментом философствования на данную тематику является то, что для М. Шелера выход из события трагедийности самой человеческой жизни, избавление от страданий осуществляется с религиозной позиции, с точки зрения верующего и осознающего христианские ценности субъекта. М. Шелер описывает как «теоморфный процесс», где человек обретает «свое единство физически-телесного и душевно-духовного через идею Бога и его бесконечную совершенную личность» (2022, с. 183). Для М. Шелера «исторически сложившаяся форма» преодоления страдания – это «путь блаженного страдания», «избавления от страдания благодаря милосердной любви Бога» (2022, с. 183), «царственный крестный путь», где религия питает надежду, избавляет от страха именно в самых глубинных слоях человеческих чувств, а все достижения цивилизации апеллируют к поверхностным слоям и чувственным зонам человека.

Действительно, М. Шелер полагал, что грядущий путь, который должен пройти в освобождении от страдания человек, очень труден и суров – это путь трагического героя. Трагический герой обладает большей ответственностью, так как он владеет большей дифференцированностью высоких ценностей, ведь «у торговца специями и у короля будут разные степени ответственности и разная степень трагизма» (Шелер, 2022, с. 167). Однако, по М. Шелеру, «трагический герой – не только Прометей техники, похитивший у Зевса огонь: но в гораздо большей степени трагическими героями являются Прометеи нравственности, в глазах которых вспыхивает огонь новых неведомых ценностей» (2022, с. 188). Этот новый человек – Прометей нравственности, трагический герой, творящий новые еще неведомые ценности, обладает незаурядным эмоциональным опытом, который, к сожалению, принципиально инфинитивен. Но путь трагического этического героя всегда одинаков и универсален для всех культур – показывать образ жизненного сценария, благодаря которому окружающие личности обретают чувство осмысленности жизни и ощущение её наполненности, а этот эмоциональный опыт, транслируемый на другого, становится функциональной моделью существования.

Заключение

XX век не без основания считают одним из самых трагических периодов в человеческой истории. Для многих философов «трагическое» и связанная с ним проблема «страдания» не являлись второстепенными категориями философии. Напротив, они мыслились как метафизические категории первого порядка, обладающие субстанциональным, онтологическим статусом и выступающие в качестве структурно-смысловых категорий философской аксиологии. Оценивая современную философскую мысль, исследователи приходят к выводу о том, что рефлексия о человеческом существовании сегодня «должна служить методологической основой “переоценки всех ценностей”» (Спирова, 2012, с. 212), основой для особой экзистенциально-антропологической аксиологии, что и позволяет в свою очередь сделать следующие выводы.

Действительно, процессы, происходящие в современном мире, многообразны и «многослойны», не всегда поддаются адекватной вербализации, однако очевидным становится «ценностный фаллибилизм», свидетельствующий о том, что не существует единого и «чёткого» ценностного вектора развития личности. В этой связи возрастает необходимость рефлексии об аутентичных формах осуществления человеческой экзистенции, а также существенной необходимостью становится раскрытие внутренней имманентной логики выработки и реализации духовного мира человека, обнаружение той латентной логики человеческого существования, которая ведет к построению целостной аксиосферы единичного, сингулярного человека и аксиосферы всего общества.

Таким образом, создание «аксиологии страдания» и в целом рефлексия на тему «трагического» в индивидуальной судьбе человека оказываются значимыми элементами ценностной и целостной философской антропологии современности. Подобная рационально-иррациональная форма постижения человека, а самое главное – её ярко выраженный социовитальный характер, является источником духоформирующих доминант общества и личности, где человек рассматривается и в субъективно-личностном аспекте партикулярно-индивидуального существования, и в разрезе его культурно-исторического и общественного жизнедействия, становится особой сферой созидания «поля» «аксиосферы» современного человека.

Именно через «страдание» человек осознает «трагедийность» человеческой судьбы, приходит к «пониманию» и обретению собственного уникального духовного образа, достижение которого и составляет смысловое поле его «форической протенсивности». Тотальное «понимание» «не бессмысленности» страданий и будет способствовать созданию новой экзистенциальной аксиологии – аксиологии надежды.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать систематическое описание различных структур самоидентификации с целью обретения целостной парадигмы человеческого существования в условиях конкретной социокультурной реальности и в культуре в целом. Одновременно подобный подход явится мощным стимулом и призывом к осознанию собственной жизненной

ситуации, созданию собственной «личностной» аксиологии как возможности перманентно возобновляемых личностью персональных ценностей.

Источники | References

1. Беккер О., Гайгер М., Дюфрен М., Ришир М. Феноменология и эстетика. М.: Рипол классик, 2019.
2. Лазарев В. В. Философия трагедии Н. А. Бердяева // Философская антропология. 2017. Т. 3. № 2.
3. Малинкин А. Н. Концепция феноменологии Макса Шелера. Шелер vs Гуссерль. М.: Русская школа, 2019.
4. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука 2011.
5. Спирова Э. М. Философско-антропологическое содержание символа. М.: Канон+, 2012.
6. Франкл В. О смысле жизни. М.: Альпина нон-фикшн, 2022.
7. Франкл В. Страдания от бессмысленности жизни. М.: Сибирское университетское издательство, 2011.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
9. Фромм Э. Революция надежды. М.: Рипол классик, 2022.
10. Шелер М. К феномену трагического. О смысле страдания. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

Информация об авторах | Author information

Петрык Янина Юрьевна¹, к. филос. н.

¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Yanina Yurievna Petryk¹, PhD

¹ Kuban State University, Krasnodar

¹ p_yanina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.02.2025; опубликовано online (published online): 05.03.2025.

Ключевые слова (keywords): императив логотерапии В. Франкла; аксиология страдания М. Шелера; оправдание человеческих страданий; V. Frankl's imperative of logotherapy; M. Scheler's axiology of suffering; justification of human suffering.